

И. Т. КРУГЛИКОВА, Дакия в эпоху римской оккупации («Причерноморье в античную эпоху» под редакцией проф. В. Н. Дьякова, вып. 8), Изд-во АН СССР, М., 1955, 166 стр. + карта, тир. 3000 экз., цена 7 р. 50 к.

Известно, сколь важным для изучения Римской империи является исследование ее провинций. История Дакии заслуживает в этом отношении особого внимания, поскольку ее исследование тесно связано с изучением варварской периферии империи. История Дакии составляет часть истории дружественной нам народно-демократической Румынии. Небезынтересна она и для древнейшей истории нашей страны. Вот почему появление рецензируемой работы И. Т. Кругликовой представляет интерес тем более значительный, что в отечественной историографии не имеется ни одного специального монографического исследования на эту тему.

Книга написана с использованием большого количества литературы и источников как письменных, так и вещественных. Привлечение И. Т. Кругликовой новейшего археологического материала из работ румынских ученых позволило автору существенно дополнить свидетельства древних авторов о даках.

Несомненным достоинством книги следует считать стремление автора выявить те внутренние процессы, которые протекали в Дакии и отличали ее развитие как в римский, так и в доримский периоды. Автор подчеркивает, что накануне римского завоевания Дакия представляла собой сильное варварское государственное образование со своей собственной духовной и материальной культурой, довольно монолитное в этническом отношении. И. Т. Кругликова рассматривает историю Дакии этого периода не изолированно, она изучает те экономические и культурные отношения, которые существовали у даков сначала с греческим миром, преимущественно с городами Западного Понта, а затем и с римлянами. Остановившись на характере государственного образования даков под главенством Децебала, автор подчеркивает то, что отличало это объединение от более раннего союза гетских племен времени Биребисты. Автор совершенно правильно считает, что в период I — начала II вв. н. э. дакийские племена в своем развитии шли значительно впереди других родственных им племен, и в частности гетов. И. Т. Кругликова выясняет причины завоевания Дакии Римом и справедливо подчеркивает социальную сторону этого события, а именно, что варварская знать покоренных Римом народов всегда занимала сторону Рима, в то время как широкие слои народа выступали в этой борьбе против Рима и постоянно тяготели к союзу с соседними варварскими племенами.

История Дакии как римской провинции дана автором на протяжении более чем полуторавекового периода. Несколько более бегло и схематично представлен период III века. Автор обращает внимание на все стороны провинциальной жизни и выясняет то большое экономическое и военное значение, которое имела Дакия для Рима. И. Т. Кругликова исследует хозяйство провинции и образование в ней новых социальных отношений. Автор правильно считает, что преобладающим в провинции являлось мелкое и среднее землевладение. Несомненно, И. Т. Кругликова права, когда она указывает также на сохранение в Дакии под римским господством значительного слоя местного крестьянского населения. Автор уделяет большое внимание той социальной борьбе, которая имела место в провинции и которая привела в конце концов к крушению в Дакии римской власти. И. Т. Кругликова останавливается на своеобразии складывавшейся в провинции культуры и той роли, которую играло в этом процессе местное дако-фракийское население. Достоинством книги следует считать и то, что она снабжена большим количеством иллюстраций: это дает возможность наглядно представить те памятники материальной и духовной культуры, которые оставили после себя даки.

Перейдем к рассмотрению отдельных разделов рецензируемой работы.

Книга состоит из введения, трех глав и заключения. В качестве приложения монография содержит небольшой очерк о связях Дакии со славянами.

Введение (стр. 3—11) отмечает характер социально-экономического развития

дако-гетских племен накануне завоевания их Римом, те особенности, которые отличали Дакию как римскую провинцию, и тот интерес, который представляет для науки исследование ее истории. Здесь излагается также историография вопроса как в зарубежной (в том числе и в румынской) исторической науке, так и в отечественной.

Первая глава (стр. 12—59) представляет собой характеристику Дакии перед римским завоеванием. Подробно изучая свидетельства античных авторов о даках и привлекая данные румынской археологии, И. Т. Кругликова реконструирует картину жизни дако-гетских племен накануне их завоевания Римом и отмечает, что к I в. до н. э. они находились на стадии возникновения классового общества (стр. 33). Основным занятием даков в это время являлось земледелие и скотоводство (стр. 15—16). В связи с происшедшим у даков к концу I тысячелетия до н. э. отделением ремесла от земледелия и наличием в стране больших залежей золота, серебра, железа и других ископаемых большое развитие в Дакии получила также обработка металлов (стр. 16).

Далее автор подробно останавливается на торговых связях даков, преимущественно с греческими городами Западного Понта (стр. 26—32), на строительной технике даков и характере их поселений (стр. 40—51), отчасти на их духовной культуре, главным образом на обряде захоронения (стр. 52—56). На мой взгляд, эта глава несколько перегружена собственно археологическим материалом (подробное описание дакийских фибул (стр. 18, 22), орнамента на керамических изделиях (стр. 24—26), строительной техники даков). В то же время вопросы наиболее интересные в историческом исследовании: степень социальной дифференциации дакийского общества накануне римского завоевания, вопрос о развитии рабовладения у даков (в последнее время эти вопросы более всего привлекают внимание румынских историков) не всегда разрешены в монографии достаточно обоснованно. Так, полагая, что царская власть в Дакии в правление Нерона была еще непрочной, И. Т. Кругликова основывает это свое мнение на свидетельстве известной эпитафии Плавтия Сильвана, привлекая следующий текст: *Regibus Bastarnarum et Rhoxolanorum filios Dacorum fratrum captos aut hostibus ereptos remisit...* (CIL, XIV, 3608). Считая, что в надписи идет речь о *reges Dacorum*, И. Т. Кругликова должна была подтвердить эту точку зрения своим толкованием и переводом надписи, высказать свое отношение к тем интерпретациям данного текста, которые имеются в литературе¹. Вывод автора, что «...при императоре Нероне существовало несколько дакийских вождей или царей (*reges Dacorum*)» (стр. 35), не вытекает из текста надписи, приведенной автором без всякого комментария, и, несомненно, нуждается в дополнительной аргументации.

Вторая глава монографии (стр. 60—79) описывает ход завоевания Дакии Римом и организацию новой провинции. И. Т. Кругликова прослеживает отношения даков с римлянами начиная с похода в области фракийцев Гая Скрибония Куриона, затем исследует ход войн Траяна (стр. 63—73). Основной причиной поражения даков И. Т. Кругликова считает их «далеко зашедшее социальное расслоение» (стр. 73, ср. стр. 37 и 102—103). Разумеется, не приходится оспаривать тот хорошо известный факт, что правящие верхи покоренных Римом эллинистических и варварских государств обычно принимали его сторону. Тем не менее, вряд ли можно считать это обстоятельство основной причиной побед Рима, особенно над варварскими государствами. Поражение Дакии (так же как Мезии и любого другого варварского государственного образования) прежде всего объясняется более низким уровнем ее социально-экономического развития по сравнению с Римом, превосходством военных и экономических сил Рима. Ко времени начала кампании против Дакии все сколько-нибудь значительные варварские государственные образования были покорены Римом, что не могло не ослабить позиций Дакии в борьбе с империей. Ссылки И. Т. Кругликовой на тот факт, что дакийское общество времени Децебала делилось на знать и простой народ (стр. 38), а также на свидетельство Птолемея о 12 различных племенах, населяв-

¹ См. M. Hofmann, *Plautius*, 47, RE, XXI, 1, 1951, стб. 38; Brandis, *Dacia*, RE, IV, стб. 1964—1965.

ших Дакию, вряд ли могут подтвердить ее тезис о существовании резких социальных противоречий у даков того времени. Для доказательства этого тезиса требовалось привлечение более прямых и определенных данных о различных социальных слоях дакийского общества и существовавших между ними противоречиях.

Третья глава монографии, самая большая по объему (стр. 80—160), в отличие от двух первых глав разделена на несколько параграфов. Она посвящена истории Дакии как римской провинции во II—III вв. н. э. Эта глава содержит большой материал, написана с привлечением обширного круга источников и литературы. Автор останавливается на сельском хозяйстве, организации рудников, торговле и ремесле в Римской Дакии, путях сообщения, городах, дакийском лимесе, исследует процесс колонизации Дакии и становления в ней новых социальных отношений, административную и налоговую систему провинции. И. Т. Кругликова рассматривает также вопрос об обострении социальных противоречий в провинции и усилении роли военных элементов в ее жизни в связи с вторжениями варваров и кризисом III века и, наконец, останавливается на своеобразии сложившейся в провинции культуры.

Существенным недостатком этой интересной главы является в известной мере статичная подача материала. Не совсем четко автор осветил и те особенности общественной, экономической и духовной жизни, которые, несомненно, отличали даков от колонистов, романизированных даков—римских граждан от сельских слоев даков и, наконец, пришлое население провинции в целом от местного. Обилие пришлое населения в Дакии, так же как и большое влияние на жизнь провинции стоявших в ней соединений римской армии, как известно, затрудняет соответствующее расчленение материала источников, тем не менее именно этот путь дает наибольшие возможности для суждения о процессах и явлениях, отличавших Дакию. И. Т. Кругликова, на мой взгляд, неправомерно отделила вопрос об образовании новых социальных отношений в провинции от рассмотрения ее сельского хозяйства, организации рудников, ремесла и торговли: только на материале данных о различных отраслях хозяйства можно было проследить возникновение новых социальных отношений. То распределение материала, которое дано в книге, поставило автора перед необходимостью говорить об одних и тех же вещах дважды, а порой и трижды: в параграфах о сельском хозяйстве, рудниках, торговле и ремесле и в параграфе о новых социальных отношениях, складывавшихся в провинции. Вследствие этого дробления и вследствие ограниченности данных источников, по отдельным вопросам не всегда создается цельное представление. Например, в параграфе о сельском хозяйстве И. Т. Кругликова пишет, что «сельское население новой провинции Дакии объединялось в *vici* и *pagi*, во главе которых стояли *magistri*, *praefecti* или *quaestores*» (стр. 81). Но известно, что сельское население Римской Дакии включало и колонистов и даков, среди тех и других могли быть и римские граждане и не имевшие прав гражданства, причем экономическое и правовое положение (во всяком случае до *Constitutio Antoniniana*) всех этих слоев было совершенно различным. Однако И. Т. Кругликова не выясняет, с какими же социальными или этническими слоями можно связывать тот или иной тип сельской организации. Между тем уже тот факт, что во главе каких-то сельских территорий стояли военные лица—*praefecti* или *quaestores*, указывает на то, что здесь мы имеем дело или с организацией местного сельского населения, не обладавшего правом римского гражданства, характерной лишь для начального периода существования провинции¹, или с управлением территорий и земель, принадлежавших легионам². Данные относительно *vici* и *pagi*, во всяком случае о тех из них,

¹ Подобной организацией отличались, например, фракийское племя бессов и иллирийское племя эрависков, которые также управлялись префектами. См. Е. М. Ш т а е р м а н, К вопросу о *editicii* в эдикте Каракаллы, ВДИ, 1946, № 2, стр. 87—88; A. A l f ö l d i, Zur Geschichte des Karpatenbeckens im I. Jahrhundert v. Chr., Budapest — Leipzig, 1942, стр. 46—47.

² М. I. R o s t o v t z e f f, Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich, I, 1. pz, 1929, стр. 197—198; 202.

которые находились вблизи римских центров и крепостей, позволяют видеть в *vicis* смешанное население: местное дакийское и пришлое — ветеранов, получивших участки земли и селившихся в селах. На основании надписей из Паннии¹ можно предполагать, что паг включал в себя несколько сел и был, таким образом, организацией не отличной от *vicus* в принципе, а лишь большей в административном отношении. И. Т. Кругликова совершенно справедливо считает, что в Дакии существовали сельские поселения, не приписанные к городу и имевшие собственную организацию (стр. 81). Однако в этом случае следовало отметить и то, что в приведенных автором надписях, во всяком случае в двух из трех², речь идет о поселениях местного населения, так как *vicus Anartorum* на северо-западе Дакии представлял собой поселение потомков скифского или иллирийского племени анартов, а округ скордисков — поселение далматинского племени скордисков.

Не совсем четко определен автором социальная структура провинциального общества. И. Т. Кругликова совершенно справедливо считает, что «развитие товарно-денежных отношений способствовало быстрому росту имущественной дифференциации и обезземеливанию крестьянства» (стр. 83). Из следующей фразы можно заключить, что под крестьянством подразумеваются «мелкие местные землевладельцы», однако конкретного материала источников в пользу тезиса о наличии крестьянских слоев даков и их разорении автор не приводит, хотя некоторые косвенные данные по этому вопросу имеются³. Вследствие этого правильное замечание И. Т. Кругликовой остается в книге недоказанным. Еще в большей мере этот упрек можно отнести к более ответственному положению, почему-то помещенному автором в сноску (стр. 105, прим. 6): «в дальнейшем же в Дакии (имеется в виду римский период.— Ю. К.) было устойчиво общинное землевладение, что затрудняло превращение местного населения в рабов». Несомненно, римляне застали в стране сельскую общину, но вряд ли она могла быть устойчивой в условиях развивавшихся в провинции товарно-денежных отношений. Причем несколько выше И. Т. Кругликова правильно отмечает разлагающее влияние товарно-денежных отношений на мелкого производителя. И. Т. Кругликова считает, что надписи, «свидетельствующие о передаче имущества по наследству, об уплате налогов на наследство и за отпуск рабов на волю... позволяют предполагать наличие значительной имущественной дифференциации в среде свободного дакийского населения» (стр. 108, см. также стр. 112). Это положение, очевидно, является правильным, однако в данном случае следовало отметить, что и налог за отпуск рабов на волю и налог на наследство уплачивались исключительно лицами, обладавшими правом римского гражданства⁴.

¹ A. D o b ó, *Inscriptiones extra fines Pannoniae Daciaeque repertae ad res earundem provinciarum pertinentes*, I, Budapest, 1940, стр. 18, № 30; стр. 34, № 137.

² В надписи CIL, III, 827 И. Т. Кругликова видит свидетельство существования сельской организации — «селение Самум, где набирался отряд местной милиции» (стр. 81). Более правильным представляется толкование Торма (CIL, III, 827, комментарий), который текст надписи «... a censibus subsignavit Samum cum regione trans vallum...» понимал таким образом, что упоминающийся в надписи солдат легиона XIII Gemina производил ценз для сбора дани с населения, проживавшего за Северным валом, который, как известно, шел вдоль реки Самум на севере Дакии. К тому же, выражение «a censibus» является обычным в терминологии для определения должностных лиц, ответственных за сбор дани или налогов (см. J. M a r q u a r d t, *Römische Staatsverwaltung*, II², Lpz, 1884, стр. 215—217).

³ См. ВДИ, 1955, № 3, стр. 69—74; 75.

⁴ М. Р о с т о в ц е в, *История государственного откупа в Римской империи*, СПб., 1899, стр. 69. Известно, что Каракалла именно потому и увеличил вдвое величину *vicesima libertatis*, что распространение им права римского гражданства на все население империи давало императорской казне больший доход от этого налога (см. J. M a r q u a r d t, *ук. соч.*, стр. 281).

Остановливаясь на характеристике городов Дакии, автор, основываясь на свидетельстве Ульпиана, считает, что Потаисса получила права колонии при Септимии Севере (стр. 116). Однако надписи определенно называют Потаиссу *municipium Septimium Patavissensis*¹. Новейшие исследования румынских историков также отмечают, что колонией Потаисса, стала, по-видимому, в правление Каракаллы². И. Т. Кругликова склонна считать Суцидаву городом, который, как она полагает, вырос из канабы (стр. 124). Но, насколько мне известно, надписи не называют Суцидаву ни канабой, ни муниципием, ни колонией. Более того, имеются свидетельства, которые заставляют предполагать, что, возможно, Суцидава вообще не получила городской организации. Надпись, датируемая В. Пырваном концом II — серединой III в. н. э., называет куриалов, которые стояли во главе *territorium Sucidavense*³. Подобная организация обычно была характерной для коренного населения, а формирование в правление Северов когорт из дакийского племени саков, обитавшего в окрестностях Суцидавы (Сацидавы или Сакидавы), показывает, что вокруг Суцидавы еще в III в. группировались значительные контингенты коренного населения. Возможно, что именно по этой причине она могла не получить городского статуса.

И. Т. Кругликова вслед за А. Д. Дмитриевым⁴ считает, что в 139, 143 и 156—157 гг. н. э. «...местное дакийское население... поднимало восстания против гнета римлян» (стр. 136).⁵ Не подвергая сомнению факт народных выступлений против римского господства в Дакии, следует, однако, заметить что привлекаемые А. Д. Дмитриевым источники не позволяют заключить, что здесь мы имеем дело именно с движением местного населения провинции против Рима. Относительно военных действий в Дакии в 143 г. и в 156—157 гг. н. э. еще раньше отмечал В. Хюттль⁶, что в эти годы имели место вторжения в провинцию «свободных даков». Возможно, что вторгшиеся в Дакию этнически близкие дакам племена могли получить поддержку со стороны местного населения провинции. Однако аргументация А. Д. Дмитриева в пользу его точки зрения недостаточна и неубедительна, поскольку приведенные им источники свидетельствуют лишь о войнах с пограничными племенами. Для доказательства тезиса о народных выступлениях в Дакии в указанные годы требовалось привлечение других данных источников, как то делают румынские историки⁷. Приводимые А. Д. Дмитриевым надписи, называющие Антонина Пия *Dacicus*, являются весьма шатким источником и не могут подтвердить факт восстания в Дакии в 156—157 гг. Антонин Пий, как известно, не имел никаких победных титулов: источники отмечают, что он лично сам никогда не принимал участия в войнах и вел их через посредство своих легатов — *SHA, Vita Pii*, 5, 4. Две карфагенские надписи, ошибочно приписываемые ему победные титулы Траяна, в том числе и *Dacicus Maximus*, являются недостоверными и не имеют официального характера⁸. К тому же известно, что именно в случае подавления народных выступлений в той или иной провинции императором ни-

¹ CIL, III, 913 = 7689, 7804.

² C. D a i c o v i c i u, Potaissa, RE, XLIII, 2, 1953, стб. 1017; Ion I. R u s s u, AISC, III (1941), стр. 325.

³ V. P â r v a n, «Archaeologischer Anzeiger», 28 (1913), стр. 386, 389.

⁴ А. Д. Д м и т р е в, Падение Дакии, ВДИ, 1949, № 1, стр. 79—81.

⁵ Автор настоящей рецензии точно таким же образом использовал это положение А. Д. Дмитриева в своей кандидатской диссертации («Дакия в период кризиса III века», М., 1953, машинопись, стр. 52). Позднее я пересмотрела свое отношение к этому вопросу.

⁶ W. H ü t t l, Antoninus Pius, I, Prag, 1934, стр. 284—287.

⁷ B. M i t r e a, Contribuții numismatice la cunoașterea problemei luptei împotriva stapinirii romane în Dacia, SCIV, 1954, № 3—4, стр. 476—482.

⁸ W. H ü t t l, ук. соч., стр. 58, прим. 26; P. R o h d e n, Aurelius, 138, RE, II, стб. 2499; S t e i n, Dacicus, RE, IV, стб. 1976.

когда не принимался победный титул в честь названия этих провинций; так, никто из римских императоров не носил титул *Pannonicus*, *Noricus* или *Moesiacus*, хотя в этих провинциях так же, как и в других, несомненно, имели место неоднократные выступления против Рима. По этим соображениям мне представляется неправильным на основании тех данных, которые привлекает А. Д. Дмитриев, рассматривать военные действия в Дакии в 143 и в 156—157 гг. н. э. как восстания местного населения.

А. Д. Дмитриев ошибался также и в том случае, когда на основании монеты с легендой «*Dacia*» от 139 г. он утверждал, что «в начале правления Антонина Пия — в 139 г. ... когда римляне вели тяжелую войну с сарматскими язигами, ... воспользовавшись затруднительным положением римлян, покоренные даки подняли восстание в тылу у римских войск» (ук. соч., стр. 79). В источниках нет данных о войне с язигами в начале правления Антонина Пия. Что касается той единственной монеты с легендой «*Dacia*» от 139 г., на которую ссылается А. Д. Дмитриев, то в действительности ее выпуск связан с отменой Антонином Пием в 139 г. н. э. *aureum sogoanatum* для Италии и уменьшением его наполовину для провинций. На это обращают внимание и румынские историки¹. Вследствие этого в Риме по решению сената был отбит специальный выпуск монет с названиями большинства провинций, в том числе и Дакии². Кроме монет с легендой «*Dacia*», сохранились и другие монеты также от 139 г. с легендами Африка, Азия, Каппадокия, Испания, Мавретания, Сицилия, Фракия, Сирия³. Одна монета сохранилась не только для Дакии, но и для Каппадокии, Испании, Фракии и самой Италии⁴. Однако на этом основании никто не будет делать вывод, что в Италии, например, в 139 г. было народное восстание.

Монография И. Т. Кругликовой не лишена некоторых неточностей и противоречий. Так, не совсем ясно изложен вопрос об эвакуации Дакии Римом. И. Т. Кругликова считает, что «... вероятно, в конце 271 г. была эвакуирована Трансильвания и только в 275 г. произошло окончательное оставление Дакии и организация двух новых провинций на правом берегу Дуная» (стр. 157). Однако археологический материал позволяет предполагать, что некоторые опорные пункты на левом берегу Дуная в районе Судидавы римляне удерживали до времени Феодосия II (начало и середина V в.)⁵. Остается неясным также, считает ли автор, что уже Аврелианом на левом берегу Дуная были организованы две новых провинции Дакии или одна. Если на стр. 157 И. Т. Кругликова говорит об организации двух новых провинций, то несколько ниже (стр. 157—158) автор пишет, что прежнее население провинции нашло себе новую отчизну в *Dacia Ripensis*. Но эпиграфические данные показывают, что уже Аврелианом были организованы две новых Дакии — *Dacia Ripensis*, куда были отведены войска и население, и *Dacia Mediterganea*, где не было войск⁶, подтверждая тем самым свидетельство Феста и Иордана.

Противоречиво толкует автор и узурпацию Регаллиана. Если на стр. 152 И. Т. Кругликова пишет, что «... в Дакии появляется узурпатор Регаллиан, выдававший себя за потомка Децебала», то на стр. 156 Регаллиан отнесен к Верхней Паннонии, наместником которой он в действительности и являлся. Хотя Регаллиан и мог

¹ См. В. М и т р е а, ук. соч., SCIV, 1954, № 3—4, стр. 475.

² P. R o h d e n, Aurelius, 138, RE, II, стб. 2501, 2505; W. H ü t t l, ук. соч., стр. 338.

³ Н. С о h e n, Description historique des monnaies frappées sous l'Empire romain, II, P., 1859, стр. 343, №№ 459—462; стр. 347, №№ 489—490; стр. 349, № 501; стр. 359, № 576; стр. 364, № 612; стр. 368, № 642; стр. 373, №№ 686—687; стр. 391, №№ 832—834; стр. 392, №№ 837—838; стр. 393, № 849.

⁴ Н. С о h e n, ук. соч., II, стр. 349, № 501; стр. 359, № 576; стр. 364, № 612; стр. 368, № 642; стр. 393, № 849.

⁵ См. D. T u d o r, Sucidava, «*Dacia*», VII—VIII (1941), стр. 377—379; «*Materiale arheologice privind istoria veche a RPR*», I, Bucureşti, 1953, стр. 695, 731, 742.

⁶ См. «*Klio*», XII (1912), 2, стр. 236—237.

получить поддержку дакийских легионов¹, однако его базой являлась все-таки не Дакия, а Паннония, на что указывают данные нумизматики и литературных источников². К числу неточностей следует отнести и такое место в книге: «нам известно существование в Дакии *canabae legionis XI Claudiae* в Дуросторе, *canabae legionis V Macedonicae* в Троэзме, *canabae legionis XIII Geminae* в Апуле» (стр. 116). Между тем и Дуростор и Троэзм являлись городами Нижней Мезии и никогда не входили в состав Дакии. Эта неточность тем более досадна, что на стр. 133 И. Т. Кругликова относит Дуростор к Мезии. Автор ошибается, принимая «Antoniniana», «Gordiana», «Postumiana», «Tetricianorum» надписей за отдельные когорты, сформированные из даков (стр. 150). Под всеми этими названиями фигурирует *cohors I Aelia Dacorum*³.

Небольшой очерк о связях Дакии со славянами, данный в качестве приложения (стр. 163—166), представляется не достигающим цели. На столь минимальном количестве страниц, естественно, невозможно было сколько-нибудь полно рассмотреть эту интересную проблему, поэтому И. Т. Кругликова вынуждена ограничиться общими суждениями. Сложнейший вопрос о взаимовлиянии предков славян и местного населения дунайских провинций империи, в данном случае с даками, сведен автором в сущности к наличию сходных узоров в мотивах вышивок северорусских народностей с древнейшими дакийскими мотивами (стр. 163). Что же касается приведенных автором данных о распространении римских монет в Поднепровье, Прикарпатье, Южной Волыни и на правобережье Днепра, то они лишь указывают на то, что в названные области эти монеты проникали через территорию Дакии, впрочем, точно также они могли попасть сюда и через территорию Нижней Мезии. К тому же должно быть еще доказано, что во II—III вв., т. е. в то время, когда Дакия была римской провинцией, все эти области были уже населены славянскими племенами. И. Т. Кругликова без какой-либо аргументации рассматривает славян как «ближайших соседей» Дакии уже в начале II в., не учитывая при этом, что вопрос о времени появления и расселения славянских племен в Прикарпатье еще далек от окончательного разрешения.

В целом монография И. Т. Кругликовой представляет несомненную ценность: написанная на основании большого количества источников, книга ставит ряд интересных вопросов. Вместе с тем неразработанность этой темы в нашей историографии делает естественным и неизбежным внесение некоторых поправок и дополнений.

Ю. К. Колосовская

«*Ethnographisch-archäologische Forschungen*», herausgegeben von H. Kothe und K. H. Otto, Deutscher Verlag der Wissenschaften, B., 1 (1953), 2 (1954), 3 (1955).

«Этнография и археология имеют возможность увеличить наши знания о действительных слагающих историю движущих силах и обогатить созданную Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом научную теорию об основных закономерностях общественного развития». «Публикацией этих непериферических сборников «Этнографо-археологические исследования» ставят себя на службу прогрессивной общественной науки и стремятся путем научного обмена мнениями по всем вопросам этнографии и археологии, относящимся к истории первобытного общества, преодолеть искажения и подделки, упрощения и схематизацию картины древнейшей истории».

¹ САН, XII, стр. 185 считает, что Регаллиана мог поддерживать легион Дакии—XIII Gemina.

² См. E. Swoboda, Carnuntum, seine Geschichte und seine Denkmäler, Wien, 1953, стр. 54, АЕМ, XVJ, стр. 237—238; SHA, Trig. tyr., 10, 1, Aur Vict., De Caes., 30; Epit. de caes., 32,3.

³ См. C. Cichorius, Cohors, RE, IV, стб. 278; A. Dobó, ук. соч., стр. 109, №№ 101—103; стр. 110, №№ 104—110 и др.